

ОПАЛА НИКОЛЯ ФУКЕ КАК АКТ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ ЛЮДОВИКА XIV

Сделана попытка проанализировать одно из ключевых событий правления Людовика XIV (1643–1715), опалу сюринтенданта финансов Николя Фуке (1661), с точки зрения репрезентации Короля-Солнце. Показано, что арест министра и последовавшее за ним судебное разбирательство не только имели политический резонанс, но и стали частью репрезентативного образа Людовика XIV, столь тщательно и скрупулезно создаваемого самим королем и его окружением на протяжении всего правления.

Ключевые слова: Людовик XIV; абсолютная монархия; репрезентация власти; укрепление королевской власти.

Как верно замечает специалист по экономической истории Старого порядка Д. Десер, написавший одну из лучших биографий Фуке [1] и изучавший приход к власти Людовика XIV [2], падение сюринтенданта является одним из тех событий, которые мы, казалось бы, хорошо знаем. В данном случае – благодаря свидетельствам короля, Кольбера, де Бриенна и де Шуази. Но все же оно еще недостаточно хорошо изучено и понято [2. С. 96]. Порой историки сосредотачиваются лишь на обсуждении степени виновности министра Короля-Солнце, часто склоняя чашу весов в сторону оправдания этого «последнего человека эпохи Ренессанса» [3. С. 16], сломленной абсолютистской машины. И пренебрегают значением этого события для всего последующего правления Людовика Великого, а значит, и истории Франции в целом. Ведь именно с 5 сентября 1661 г., с момента ареста Фуке в Нанте, началось персональное правление Людовика XIV [2. С. 97], а не с заседания Государственного совета 10 марта 1661 г., состоявшегося на следующий день после смерти Мазарини.

В данном исследовании мы попытаемся дать свою оценку столь знаковому событию правления Людовика XIV, как опала Фуке, посмотрев на него не столько как на политический акт, сколько как на репрезентативный. Как на часть того общественного образа Людовика XIV, создателями которого были прежде всего сам король, а также его многочисленная команда, состоявшая из чиновников и артистов. Тем более что сам Людовик XIV и его первый живописец Шарль Лебрен указывают на это, символически отобразив опалу Фуке на плафоне Зеркальной галереи. По соседству с центральным сюжетом «Король управляет самостоятельно» мы видим медальон «Установление порядка в финансах», на котором король держит в руке золотой ключ. Тем самым он напоминает, что отказался назначать нового сюринтенданта после падения Фуке. Рядом же с ним фигура Верности, символизирующая Кольбера. Пока же большинство ведущих специалистов по истории Великого века (Ф. Блюш, Ж.-К. Птифис, Ж. Корнет, И. Мюра, П. Губер, Ф. д'Обер, В. Малов и др.) и исследователей репрезентации Людовика XIV (Ж.-М. Апо-столиде, П. Берк, Л. Марен и др.) не ставили перед собой такой цели.

Сегодня исследователи репрезентации Людовика XIV прежде всего обращают свое внимание на Версаль, придворные и общественные празднества, балетные постановки, спектакли, оперы, творения художников, скульпторов и других артистов Великого века. Мы же постараемся показать, что в этот ряд должно быть поставлено и одно из основных событий Великого правления, а именно опала Николя Фуке.

Фронда (1648–1653) убедила Людовика XIV в том, что истинную угрозу внутренней безопасности королевства представляли принцы и гранды, которые даже после жестких мер, предпринятых Людовиком XI и Людовиком XIII, не научились подчиняться своим королям. «Суровость его (Ришелье. – М.С.) правления привела к обильному пролитию крови, вельможи королевства были сломлены и уничтожены» [4. С. 224], – Ларошфуко заблуждался, говоря об успешности политики Людовика XIII и Ришелье в отношении аристократии. Восемь лет спустя после Фронды Людовику XIV представилась возможность преподать аристократии свой урок и наглядно продемонстрировать, как он намерен поступить с теми, кто не подчинится. Если Генриху III и Людовику XIII понадобилось пролить кровь, чтобы доказать свою силу, то Людовику XIV нужен был публичный акт правосудия, который бы показал его окружению, что отныне во Франции лишь один господин – король.

В заблуждение может ввести термин «абсолютизм», который до сих пор употребляют, когда говорят о Старом порядке. Однако он появился не в XVI–XVIII вв., а гораздо позже. Этим термином восточноевропейские историки середины XIX в. обозначали неограниченную королевскую власть, когда в руках монарха сосредотачивается законодательная, исполнительная и судебная функции. Правление же Людовика XIV, «по общему мнению», принято считать эталонным «апогеем» абсолютизма. Согласно этой популярной в научной среде версии король «стремился установить личную монополию на власть и ослабить роль корпоративных организаций как правительственных учреждений и совещательных органов» [5. С. 44]. Меж тем абсолютизм, каким мы его себе представляем, – это не более чем миф, блестящую попытку развенчать который предпринял британский историк Н. Хеншелл. Как справедливо заметил ведущий специалист по Старому порядку Ф. Блюш, из основных черт французского государственного права следует идея, что монархия более абсолютна, чем монарх; французы XVII в. понимают также, что *monarchia absoluta* обозначает монархия без уз: монарха ничего не связывает в его поступках, но власть его нельзя считать неограниченной [6. С. 144]. Для любого образованного человека времен Людовика XIV, и тем более для законника, абсолютная королевская власть являлась ограниченной, поскольку монарх должен уважать законы королевства, иначе он становится тираном. Равальяк убил Генриха IV потому, что видел в нем не посланника Божьего, а еретика и тирана.

Пример подчинения короля закону прослеживается в случае с процессом над Фуке. Людовик XIV, несмотря на свое желание сурово наказать опального министра, так и «не смог обеспечить вынесения смертного приговора Фуке... независимость судей гарантировалась тем, что они приобретали свои должности», а не были назначены королем, поэтому-то, «что бы они ни говорили и ни делали, король не мог их сместить» [5. С. 66].

Все свое правление Людовик XIV позиционировал себя как монарх, который четко следует букве закона, что было для подданных символом мира и порядка в королевстве. Такое понимание королевской власти отчасти исходит к древним традициям французской монархии, согласно которым король был первым судьей в королевстве, а значит, первым законником и отличным юристом, хорошо разбирающимся в этой области. «С незапамятных времен судебная функция короля была одним из главных фундаментов его авторитета», – пишет Дессер [2. С. 75]. Достаточно вспомнить Людовика Святого, вершившего суд под дубом в Венсенском лесу [7. С. 176]. Позднее свои судебные полномочия король Франции передает парламентам, которые располагались как в провинциях, так и в Париже. Последний же считался главной судебной инстанцией в королевстве. Людовик XIV отчасти вновь переймет эти полномочия, возродив в 1663 г. традицию Великих дней.

Людовик XIV прибегал к помощи юристов даже при объявлении войны или присоединении пограничных территорий. «Король был воспитан в русле христианской концепции “справедливой войны”, ему прививают уважение к данному слову, его убеждают в необходимости испытывать все возможные пути переговоров, прежде чем прибегать к военной силе» [8. С. 132]. «Величие нашей смелости не должно заставлять нас пренебрегать доводами рассудка», – пишет Людовик накануне Деволюционной войны [9. С. 193]. Даже война с Голландией (1672–1678), «война агрессивная, наиболее спорная во всем правлении», рассматривалась королем «как справедливое наказание государства, которое подписало с ним договор о союзе в 1662 г., но в 1668-м сменило лагерь и объединилось с Англией и Швецией» [10. С. 321].

К помощи юристов королевства Людовик XIV обратился и в 1661 г., когда он решил расправиться с Фуке, который был главным препятствием к единовластию. Самим фактом этого судебного процесса Людовик наверняка давал понять, что времена насильственных расправ над политическими противниками монаршей власти миновали, ведь в руках короля есть оружие более эффективное и подходящее ему – закон. Тем более что результат работы десяти предыдущих Судебных палат, собранных с 1597 г., был более чем удовлетворительным [11. С. 151].

Фронта и война с Испанией позади, заключен мир (1659 г.), залогом которого стал брак Людовика XIV с инфантой Марией-Терезой, суливший скорое рождение наследников, а следовательно, стабильность и процветание Франции. Казалось, серьезных причин для тревог у короля не должно быть. Однако, как пишет Вольтер, никогда ранее при французском дворе не было столько интриг и надежд, как в последние дни жизни Мазарини

[12. С. 229]. «Смерть Мазарини породила великие надежды у тех, кто мог претендовать на пост министра» [13. С. 174], – вторит ему м-м де Лафайет. Даже после смерти кардинала, объявив о своем намерении не назначать первого министра и править самостоятельно, Людовик еще не стал полновластным хозяином в королевстве. На его пути стояло еще одно серьезное препятствие – Николя Фуке.

Почему Людовик XIV хотел избавиться от министра, который, как он сам признавал, «обладал умом и большим знанием о состоянии дел в государстве» [9. С. 69]? Скрыты ли причины исключительно в богатстве и могуществе сюринтенданта финансов (с 1653), который умудрился скопить за долгие годы служения короне внушительное состояние и создать обширную клиентскую сеть? Он «платит исповедникам, благородным девушкам, первой комнатной даме, мадам де Бовэ... своим любовницам, прежним и будущим, посредникам, медикам короля, информаторам, людям искусства, послам, знатным придворным, поэтам, журналистам, конечно, иезуитам, Парламенту, академикам...» [3. С. 31] – стоит согласиться с П. Мораном, который считает, что «противостояние Людовика XIV и Фуке – это противостояние бедного и богатого» [3. С. 73].

Не стоит пренебрегать еще одной немаловажной деталью – с 1650 г. Фуке был генеральным прокурором парламента Парижа, что делало его неуязвимым для королевского правосудия. Согласно закону судить его мог только Парижский парламент, где у Фуке было много друзей и сторонников (поэтому перед тем как арестовать, король и Кольбер подтолкнули его к продаже прокурорской должности). Таким образом, один человек сосредоточил в своих руках не только финансовую, но и юридическую власть в королевстве.

В определенном смысле в действиях Фуке не было ничего предосудительного, так поступал каждый, кто стремился обрести власть: «Сначала Ришелье, а потом и его наследник (Мазарини. – М.С.)... построили собственное состояние, материальное и политическое, на уровне, не имеющем себе равных в истории монархии...» [2. С. 32]. Это видно на примере морской политики, проводимой главным министром Людовика XIII: «Теоретически кардинал лишил род Монморанси прежнего влияния на морские дела королевства, для того, чтобы “секуляризовать” эту область в пользу Короны. Но в реальности, он... монополизировал места, должности, права, которые ему дают возможность управлять морскими активами» [2. С. 32, 33]. Мазарини же скопил самое большое при Старом порядке состояние, размер которого варьируется от 36 до 40 млн ливров [2. С. 73]. Кольбер и Лувуа, встав во главе министерских кланов, будут делать то же самое. Да и коллега Фуке А. Сервьен (в 1653 г. Мазарини назначил сразу двух сюринтендантов) также «любил роскошь, деньги, красивые экипажи и строения» [14. С. 128]. Но беда Фуке в том, что он слишком явно выставлял напоказ свои возможности, давая понять молодому государю, насколько он всесилен. И, что немаловажно, дело было не только в финансах.

В 1650-е гг. салон Фуке был самым блестящим в Париже и считался истинным центром литературной жизни страны, перехватив инициативу у «голубой гос-

тиной» маркизы де Рамбуйе. Фуке щедро вознаграждал поэтов и писателей, которые в благодарность восхваляли его. Пенсии, которые он выплачивал, варьировались от 400 и до 2 000 ливров: Корнель получал 2 000 ливров, Скаррон – 1 600 ливров, Лоре – 600 [14. С. 171]. Фуке-меценат превзошел даже канцлера Сегье, который руководил Академией после Ришелье и щедро одаривал артистов и художников. А ведь раньше это было прерогативой особ королевской крови или их главных министров, которые «прикармливали» артистов, чтобы те восхваляли монарха и его деяния.

Фуке, как оказалось, будучи человеком наивным, уверовал в то, что сможет управлять молодым королем, обеспечив себе пост первого министра. Доказательством сказанного служит попытка Фуке сделать своим доверенным лицом Л. де Лавальер, фаворитку короля, искренне и бескорыстно влюбленную в Людовика (раньше министр искал дружбы Марии и Олимпии Манчини). Фуке попытался подкупить эту «нежную, покорную и скромную девушку» [15. С. 102], что только разгневало Людовика.

Ошибочно полагать, что последней каплей, переполнившей чашу терпения короля, стало празднество в Во-ле-Виконт 17 августа 1661 г. (план ареста министра во время сессии Государственного совета в Нанте был разработан за четыре месяца до этого). «Господин Фуке решил поразить гостей не только великолепием своего дома, но и немислимыми красотами всевозможных развлечений, а также редкостной пышностью приема» [13. С. 187], – рассказывает о приеме в Во м-м де Лафайет; «очаровательным местом» называет замок Фуке Великая Мадмуазель [16. С. 458]. И это когда королевская казна пуста! Излишние расходы, укрепление крепостей, украшение дворцов, измышление заговоров и раздача друзьям сюринтенданта важных должностей, купленных на королевские деньги, – такие обвинения сюринтенданту предъявляет Людовик XIV [9. С. 111]. Король понимал, что такое могущество одного человека (полномочия сюринтенданта позволяют говорить о том, что он «был абсолютным господином финансов королевства» [14. С. 124]) представляло реальную угрозу неокрепшей королевской власти. К 1661 г. на «несчастливого Фуке» [17. С. 107] уже было собрано внушительное досье, являвшееся обвинительным актом. Ж.-Б. Кольбер (коему король оказывал «самое высокое доверие» [9. С. 69]), будучи человеком «прилежным и рассудительным» [9. С. 69], не упустил ни одной мелочи.

Расследование и судебное разбирательство над сюринтендантом длились более трех лет (1661–1664); это сегодня можно говорить о том, что Фуке был приговорен заранее, но тогда все эти годы добрая половина парижского общества, открыто выступавшая на стороне подсудимого, верила в то, что удастся вырвать его из рук палача. Сторонники бывшего министра вели настоящую памфлетную войну; жена и мать Фуке не переставая забрасывали короля прошениями; королевская мать, Тюренн и Конде поддерживали их.

Важно то, как Людовик XIV наказал Фуке. Приговорив его к пожизненному заключению в Пинероле, король показал себя строгим (по приговору Судебной палаты опальный министр должен был отправиться в изгнание), но в то же время просвещенным правителем.

Устраивая процесс над бывшим главой парламента, Людовик XIV понимал, что сильно рискует (и оказался прав, ведь по окончании трехлетнего разбирательства приговорив Фуке к изгнанию, судьи, по сути, оправдали его), но тем самым он подчеркнуто показывал себя монархом, который уважает законы королевства и следует им.

Если и говорить о том, что Фуке был обречен, то причины его участи надо искать не в прихоти «ревнивого» короля [18. С. 16], а в том, чего требовали интересы государства. Не важно, будет он приговорен к смерти или пожизненному заключению (только не к изгнанию, иначе урок не был бы усвоен: «Король сменяет ссылку на заключение» [19. С. 53], – с горечью констатирует м-м де Севинье). Уместнее говорить не об уязвленной гордости человека, а об оскорблении, нанесенном Французскому королевству. Согласно популярной в XVII в. теории о двух телах короля, Фуке нанес оскорбление в лице Людовика XIV всем его подданным. «Король – это голова, а три сословия – члены; и все вместе они образуют политическое и мистическое тело, связь и единство которого нераздельно и неразлучно», – писал в конце XVI в. Ги Кокий [20. С. 13].

Немилость по отношению к Фуке была политическим и репрезентативным актом, необходимым Людовику XIV не для того, чтобы переманить создателей Во (они и так служили королевскому дому), а для усмирения французского дворянства. Молодому королю, в чье заявление 10 марта мало кто поверил (как пишет м-м де Лафайет, никому и «в голову не могло прийти, что человек способен до такой степени измениться» [13. С. 174]), необходимо было наглядное подтверждение его слов и намерений. Мало кто знает, что происходит за дверьми кабинета короля и на заседаниях советов, – эта сторона монаршего ремесла менее всего видна окружающим. Зато столь судьбоносное событие, как опала всесильного министра, приведшая к множественным судебным разбирательствам и перераспределению сил у кормила власти, никого не оставит равнодушным.

Людовик XIV хотел, чтобы его окружение раз и навсегда поняло, кто хозяин в королевстве и где кончается грань дозволенного. Это касалось, как мы уже писали, и сферы искусств, где Фуке желал блистать наравне с королем. В Во Лебрен, прославляя «славу, силу, справедливость, милосердие владельца замка», изобразил Фуке в образах Геркулеса и Аполлона [14. С. 178]. Тем самым министр ставит себя вровень с королем, который уже «примерил» на себя в придворном балете образ того же Аполлона. Здесь, по нашему мнению, Фуке, нарушив «монополию» короля на репрезентативные образы главных античных богов и героев, совершает довольно грубую ошибку, на что король, естественно, реагирует. Ведь Людовик XIV уже неоднократно давал понять, что желает безраздельно царствовать в мире музыки и танца (впрочем, как и в других видах искусства).

И лишь один герой, что славился делами
Во всех земных краях,
Дал Музам новый кров и вдохновенья пламя
Зажег у них в сердцах [21. С. 15], – писал Расин о короле-меценате.

Лето 1661 г. король проводит в Фонтенбло, где он танцует в балете «Времена года» партию Весны. «Это было самое приятное зрелище из всех когда-либо виданных» [13. С. 185], – пишет м-м де Лафайет. В последнем выходе провозглашалось скорое наступление золотого века [20. С. 64], неразрывно связываемое с именем Людовика (тремя годами ранее Лафонтен тоже предсказал зарю золотого века и царства Муз, связав это с именем Фуке [14. С. 171]). Незадолго до этого король основывает Академию танца, что, по мнению Ф. Боссана, является «актом управления», ведь тем самым «королевское развлечение становится институтом, официальной организацией» [22. С. 38]. Увлеченный министр, не замечая всего этого, продолжает собирать вокруг себя талантливых артистов, которые творят исключительно для него, а не для Франции. В последовательном привязывании интеллектуалов к себе и в завязывании с ними тесных отношений Птифис видит политическую стратегию Фуке [14. С. 169]. Такое поведение не могло не настораживать и не раздражать Людовика XIV.

Пример с Фуке оказался действенным. Какие бы принцы и гранды каких бы артистов в дальнейшем ни привечали, какой бы свитой они себя ни окружали, никто больше не делал этого с таким размахом, как Фуке. Стоит согласиться с К. Бьетом, который пишет, что после опалы Фуке частное меценатство значительно ослабло, а со временем и вовсе исчезло [23. С. 97]. Но также важно подчеркнуть и то, что после падения

сюринтенданта Фуке никто из подданных Людовика XIV больше не претендовал на то, чтобы сравниться с королем. Ведь Людовик и после 1661 г. посещал имения своих вельмож и министров, которые также старались удивить венценосного гостя и придворных, но делали они это так, чтобы ни в коем случае не затмить пышность и великолепие версальских празднеств, режиссером-постановщиком которых был Людовик XIV. Да и сделать это было уже невозможно, ибо Людовик на тот момент собрал, пожалуй, самую многочисленную и блистательную команду талантливых артистов в современной истории Франции. Описывая «Забавы волшебного острова», Апостолиде замечает, что «все искусства – живопись, скульптура, литература, музыка, фейерверки – участвуют в гармоничном ансамбле» [20. С. 97]. Уже в 1664 г. Версалью Людовика XIV удалось затмить память о Во Фуке, что тоже было частью культурно-политической программы Людовика XIV.

Мы показали, что опалу Фуке можно рассматривать не только как громкий политический процесс, положивший начало самостоятельному правлению Людовика XIV. Да, король избавился от опасного противника и преподал урок своему окружению (особенно той его части, которая вспоминала Фронду). Но, кроме всего прочего, это событие стало составляющей частью того репрезентативного образа Людовика XIV, который прежде всего он сам столь усердно создавал на протяжении всего своего длительного правления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dessert D. Fouquet. Domont : Fayard, 2002. 404 p.
2. Dessert D. 1661, Louis XIV prend le pouvoir. Nascence d'un mythe? Tournai : Éditions Complexe, 2002. 149 p.
3. Morand P. Fouquet ou le Soleil offusqué. Paris : Gallimard, 2009. 193 p.
4. Ларошфуко Ф. Де. Максимы. Мемуары : пер. с фр. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. 421 с.
5. Хенциелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. СПб. : Алетейя, 2003. 242 с.
6. Блюш Ф. Людовик XIV : пер. с фр. М. : Ладомир, 1998. 815 с.
7. Гарро А. Людовик Святой и его королевство : пер. с фр. СПб. : Евразия, 2002. 256 с.
8. Птифис Ж.-К. Людовик XIV. Слава и испытания : пер. с фр. СПб. : Евразия, 2008. 382 с.
9. Louis XIV. Mémoires. Manière de visite les jardins de Versailles. Paris : Tallandier, 2007. 353 p.
10. Petitfils J.-C. Louis XIV. Paris : Perrin, 2008. 775 p.
11. Aubert F. d'. Colbert: La vertu usurpée. Paris : Perrin, 2010. 488 p.
12. Voltaire. Le Siècle de Louis XIV; établie, présentée et annotée par J. Hellegouarc'h et S. Menant. Paris : Librairie Générale Française, 2005. 1213 p.
13. Лафайет М.-М. де. История Генриетты Английской, первой жены Филиппа Французского, герцога Орлеанского : пер. с фр. // Сочинения. М. : Ладомир : Наука, 2007. С. 169–215.
14. Petitfils J.-C. Fouquet. Paris : Perrin, 2005. 607 p.
15. Fraser A. Les femmes dans la vie de Louis XIV. Paris : Flammarion, 2007. 414 p.
16. Grande Mademoiselle, la. Mémoires. Mesnil-sur-l'Estrée : Mercure de France, 2006. 716 p.
17. Сен-Симон. Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентства : в 2 т. : пер. с фр. М. : Прогресс, 1991. Т. 2. 520 с.
18. Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М. : Международные отношения, 1991. 384 с.
19. Sévigné, madame de. Lettres. Paris: GF-Flammarion, 1976. 448 p.
20. Apostolides J.-M. Le roi-machene. Spectacle et politique au temps de Louis XIV. Paris : Les Édition de minuit, 2008. 165 p.
21. Расин Ж. Слово молвы к музам // Сочинения : в 2 т. : пер. с фр. М. : Искусство, 1984. Т. 1. 438 с.
22. Боссан Ф. Людовик XIV, король-артист : пер. с фр. М. : Аграф, 2002. 272 с.
23. Biet C. Les miroirs du Soleil. Le roi Louis XIV et ses artistes. Paris : Gallimard, 2007. 176 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 июня 2012 г.